

— Да уж, кто бы спорил! — продолжал рассказчик. — После того как Ван Цзяши очнулась, она то рыдала, то кричала, проклиная небо и землю. Но в то время всё дерево Линьшаньчан было в таком же бедственном положении: повсюду погибали и раненые, и мёртвые. Пришлось отправить целых три отряда солдат, чтобы переловить или перебить этих разбойников. Несколько последующих дней все только и делали, что хоронили погибших. Семья Линь пострадала особенно сильно: они считались местными богачами, в доме жило много людей, но толку-то? Простые крестьяне как могут противостоять жестоким бандитам? Да ещё и местность там совершенно открытая, безо всякой защиты — естественно, не выстояли. А те негодяи, надо сказать, совсем совести лишились: жгли, грабили, насиловали — руки не дрогнули! Семья Линь попала в беду: главарь банды занял их усадьбу целиком, а молодых девушек... э-э-э... кхм-кхм! Впрочем, в основном разбойники искали еду — наелись досыта и только потом стали присматриваться к красивым девицам.

— У семьи Линь было две дочери, — раздался голос Лю Цуйхуа из-за ширмы. — Они были зеницей ока у старой госпожи Линь, бабушки. Дома девочек пальцем не тронули — растили в бархате и шелках. Старуха мечтала выдать их замуж за кого-нибудь из знати, чтобы поднять род.

Когда Лю Цуйхуа сама жила в доме Линь, эти две девицы немало её унижали.

Они росли избалованными: каждый день только наряжались, вышивали цветы да наносили румяна и белила.

На кухню заходили лишь тогда, когда варили мясо или лепили пельмени — в такие моменты невесткам строго-настрого запрещалось туда соваться. Говорили, мол, если хорошенько освоишь кулинарию сейчас, в доме мужа будет легче жить.

А вот таким, как они сами, невесткам, умение готовить было ни к чему.

К тому же обе дочери Линь, честно говоря, были точь-в-точь в свою бабушку: не только язвительные и злые, но и постоянно обижали своих невесток.

— Именно так, — подтвердил Ма Сань. — Эти две девушки Линь были особенно белокожими и ухоженными по сравнению с обычными деревенскими девчонками, поэтому... В общем, несколько мужчин из семьи Линь тоже погибли. Старую госпожу Линь, из-за её преклонного возраста и беспрестанных криков, просто выбросили вон — она ударилась и потеряла сознание. Когда же подросли войска, было уже слишком поздно: девушки перед смертью... ну, вы понимаете... После того как бандиты надругались над ними, тут же убили. Позже солдаты поймали и увезли преступников, но пострадавшие семьи уже начали устраивать похороны.

— Семья Линь понесла огромные потери, — продолжал Ма Сань. — Только новая жена Линь Сань-эра с сыном в тот день поехала в уездный город за покупками и чудом избежала беды. Но пока в доме гибли люди, разбойники успели разграбить всё имущество: съели почти весь запас зерна, перебили домашнюю птицу и скотину на мясо. Теперь у семьи Линь, кроме пустой усадьбы и нескольких выживших, не осталось ни единого зёрнышка. Всё, что было у женщин,

тоже разграбили. Только старая госпожа Линь, привыкшая прятать ценности, успела спрятать немного зерна, денег и драгоценностей в тайное место в доме — теперь это и спасает их от голода. Вот только Ван Цзяши узнала об их бедственном положении, да ещё и от сплетниц услышала, что Линь Сань-эр, недавно взявший в жёны вдову, ранее развелся с женщиной по имени Лю Цуйхуа! Поначалу Ван Цзяши не придавала этому значения, но ведь все в округе знали: Лю Цуйхуа — из числа беженцев, родом из Ляньхуаао, у неё почти не осталось родни — только одна двоюродная сестра, и та, живая ли ещё, неизвестно. А ведь раньше, пока Лю Цуйхуа жила в доме Линь, дела у них шли отлично. А как только она ушла — всё пошло наперекосяк: сначала невестки и снохи начали бесконечно ссориться, полный разлад в доме; потом заговорили о разделе имущества. Да и новая жена Линь Сань-эра — вдова — тоже не подарок: постоянно скандалила с другими женщинами в доме, не давала покоя. Родив ребёнка, и та не уgomонилась, а стала подбивать мужа на раздел дома. Ведь теперь в живых осталась только старая матушка Линь — отец давно умер, и жить отдельно казалось куда удобнее. И вот теперь — полный крах: у той вдовы не осталось даже приданого, в доме буквально голые стены!

— Люди стали говорить, будто Лю Цуйхуа — женщина, приносящая удачу дому. Чем больше её хвалили, тем хуже становилось настроение у Ван Цзяши. К тому же она, вероятно, уже успела разузнать кое-что о вашем доме, господин Вэнь, возможно, даже видела вас на улице. Вот и пошла к старой госпоже Линь трепать языком: мол, Лю Цуйхуа у вас живёт в полном довольстве, получает высокую плату и ведёт беззаботную жизнь. Старуха тут же загорелась идеей — ведь целому семейству нужно прокормиться, а денег и зерна нет ни гроша! Она даже специально послала людей разузнать подробности. Хотя Ляньхуаао и глухомань, это не значит, что у них нет связей. Узнав всё, она сказала Линь Сань-эру, чтобы тот вернул Лю Цуйхуа домой. Вдова, конечно, возмутилась, но ребёнок голодал и плакал без умолку. Тогда старуха предложила: пусть Лю Цуйхуа вернётся в дом как наложница — так Линь Сань-эр сможет наслаждаться «счастьем Ци Жэня» (иметь и первую жену, и наложницу). Ведь у Лю Цуйхуа наверняка скопились сбережения, и тогда она будет работать на семью Линь как вол, не покладая рук, да ещё и прислуживать всему семейству.

— Так вот какие у них планы! — Вэнь Жунь вспыхнул от гнева. — Но откуда они уверены, что Лю Цуйхуа обязательно вернётся?

Отвечать Ма Саню не пришлось — сама Лю Цуйхуа вышла из-за ширмы:

— Я же всего лишь брошенная женщина без родни, кроме одной двоюродной сестры в бедной деревушке Ляньхуаао. Если бы они предложили мне вернуться, разве я не должна была бы быть им бесконечно благодарна? Если бы не моя настойчивость, если бы не доброта моей сестры и её мужа, которые приютили меня, и если бы вы, господин Вэнь, не взяли меня к себе на работу, я давно бы умерла — или, по крайней мере, влачила бы жалкое существование, хуже нищей. Даже сейчас, если бы не ваша доброта и забота ко мне, брошенной женщине, жизнь моя была бы невыносима. Какой смысл копить деньги? Меня никто не хочет, детей у меня нет, а на троих двоюродных племянников надежды мало — кто знает, как они со мной поступят в будущем? Вот они и думают: стоит им только поманить пальцем — и я, как собачонка, тут же помчусь обратно в дом Линь, виляя хвостом!

— Ни в коем случае! — не дожидаясь возражений Вэнь Жуня, вскочил на ноги Ма Сань. — Лю Цуйхуа, ты не должна возвращаться! Семья Линь теперь нищая: даже урожай с полей не успели собрать, не то что три раза в день поесть! Вернётся — они просто выжмут из тебя все

деньги и заставят работать на всю семью, как рабыню! Это слишком жестоко!

— Я уже достаточно себя унижала, — горько рассмеялась Лю Цуйхуа из-за ширмы. — Теперь я себе этого больше не позволю. Хоть они и обещают мне райские кущи — я ни за что не вернусь. Да и вообще, на каком основании? Даже если бы я согласилась стать наложницей, он и рядом не стоит такой чести! Господин Вэнь ведь говорил: нарушение иерархии — великий грех!

— Это... — Ма Сань растерянно посмотрел на Вэнь Жуня.

— Семью Линь необходимо наказать, — твёрдо произнёс Вэнь Жунь. — Завтра ты всё узнаешь, господин Ма, уважаемый чиновник. Благодарю вас за то, что сообщили мне эти подробности. Прошу, возвращайтесь.

— Я просто немного лишнего наговорил, — поспешно поднялся Ма Сань и, поклонившись, заторопился уходить.

Когда он ушёл, Лю Цуйхуа вышла из-за ширмы:

— Господин, Ма Сань всё-таки очень добрый человек.

— Да уж не просто добрый, а чрезвычайно отзывчивый! — Вэнь Жунь почесал подбородок. Он уже уловил кое-какие намёки, но, зная, что это может затронуть репутацию тётушки Цуйхуа, предпочёл промолчать. Всё решится завтра на суде.

Волосы Вэнь Жуня высохли, он уже принял ванну и отправился отдыхать. Эту ночь он провёл спокойно: у него не было никаких тревог, и он отлично выспался.

А вот Ма Саню спалось неважно — он ворочался всю ночь и к утру выглядел измождённым, с тёмными кругами под глазами.

Вэнь Жунь и его люди проснулись ещё в час Мао (около 5–7 утра). Все купили завтрак, вернулись и принялись умываться и переодеваться. Вэнь Жуню, как всегда, подошла одежда, соответствующая его статусу.

Но на этот раз Лю Цуйхуа снова надела тот самый наряд, в котором стояла у входа в деревню.

На её причёске «чжуаньмацзи» даже красовались две жемчужные заколки. Увидев её в таком виде, остальные весело засмеялись:

— Ты что, хочешь довести старую семью Линь до зависти и злобы?

В такой одежде её вполне можно было принять за жену богатого землевладельца.

— Именно этого я и хочу! — Лю Цуйхуа прикусила губу, уголки рта изящно приподнялись в лукавой улыбке. — Пусть пожалеют так сильно, что позеленеют от досады!

Хотя ей уже перевалило за тридцать, в ней всё ещё чувствовалась женская привлекательность. А в мире Вэнь Жуня, в его прошлой жизни, тридцатилетние незамужние женщины встречались повсюду. Здесь же в её возрасте женщины уже готовились выдавать сыновей в женихи. А у неё самого ребёнка не было — даже дочери!

— Отлично! Пошли! — решительно шагнул вперёд Вэнь Жунь. — Люди из рода Ван, даже если работают по найму, должны держать голову высоко и не позволять другим смотреть на себя свысока!

Лю Цуйхуа тут же последовала за ним, остальные тоже шли с гордо поднятой головой — совсем не так, будто направляются в уездный суд, а словно на праздник.

У входа в ямы они обнаружили, что в павильонах по обе стороны уже собрались люди!

В павильоне Шэньминь собралось человек семь-восемь пожилых мужчин и ещё пятеро-шестеро средних лет. Увидев Вэнь Жуня, один из средних лет мужчин быстро подбежал:

— Господин Вэнь!

— Глава Линь, — Вэнь Жунь бросил на него взгляд и кивнул.

Глава деревни Линьшаньчан — он знал его. Возможно, даже родственник семьи Линь?

— Видите ли... — Глава Линь теребил руки, как будто ловил мух. — Я пригласил сюда уважаемых старейшин деревни. Может, по поводу дела семьи Линь... нам стоит... обсудить здесь?

Он надеялся уладить всё прямо в павильоне Шэньминь.

Вэнь Жунь лишь усмехнулся, но в глазах его не было и тени улыбки:

— Глава Линь, позвольте напомнить: я — цзюйжэнь, сдавший провинциальные экзамены в прошлом году. У меня есть официальный учёный статус. Вы прекрасно понимаете, о чём я говорю, или же предпочитаете делать вид, будто не понимаете. Даже если бы я нарушил закон — что уж говорить о проступках! — уездный магистрат не имел бы права меня наказывать. Максимум — сделать выговор. Чтобы допросить меня, пусть даже просто опросить, требуется согласие и присутствие инспектора по образованию, а также официальная регистрация в

Министерстве ритуалов! И то это будет лишь опрос, но не допрос! Лишь после того, как Министерство ритуалов получит императорский указ с красной пометкой об отмене моего статуса цзюйжэня и я стану простым человеком, меня можно будет допрашивать. До тех пор никто не имеет права ко мне прикасаться!

От этих слов у главы Линь на лбу выступил холодный пот.

— Простая деревенская сходка старейшин, да ещё и «народный надзиратель» с повязкой на голове — всего лишь народное прозвище! Неужели вы всерьёз возомнили себя чиновником? Допрашивать меня? Да вы вообще имеете на это право? — бросил Вэнь Жунь и направился дальше. Глава Линь даже не посмел его задержать.

Вэнь Жунь говорил громко, и все в павильоне Шэньминь услышали каждое слово. Старейшины переглянулись в растерянности. Особенно мрачно выглядел старейшина из деревни Вэньцзячжуан.

Вэнь Жунь прошёл мимо, даже не взглянув в их сторону.

У главных ворот их уже поджидал Ма Сань:

— Прошу вас, входите!

Он даже не обернулся на тех самодовольных стариков. Теперь его взгляд изменился: покинув Ляньхуаао, он понял, что те, кого раньше считал важными и влиятельными, на самом деле ничем не выделяются.

Ма Сань провёл их внутрь. Их не оставили в первом дворе у главного зала, а провели дальше — во второй двор.

Там уже собралась целая толпа. Служащие ямы стояли строем, а на возвышении восседал уездный магистрат Синь.

Слева внизу стоял стол с чернильницей, кистями и бумагой, за которым сидел писарь. Справа стоял человек в одежде секретаря — с суровым, неприветливым лицом. Вэнь Жуню не нужно было спрашивать: он сразу понял, что это уголовный советник магистрата, господин Лэн.

В тот же момент с противоположной стороны вошла семья Линь.

На этот раз пришли не только трое, что приезжали ранее, но и множество других родственников — мужчины и женщины, старики и дети, даже одна молодая вдова с ребёнком на руках.

А вот троих — старую госпожу Линь и ещё двоих — привели под конвоем ямщиков. Выглядели они неважно.

Видимо, несколько дней не переодевались, да ещё и в тюрьме сидели: волосы растрёпаны, одежда пропахла кислым и затхлым, грязные, как нищие.

Вэнь Жунь особенно отметил: все драгоценности, что раньше носила старая госпожа Линь — серебряные шпильки, серьги, браслеты — исчезли!

Одежда, правда, осталась та же, только сильно испачканная. Увидев магистрата Синя, они упали на колени, поклонились и завопили, хрипло выкрикивая:

— Мы невиновны! Милостивый сударь, защитите нас!

Голос у старухи был надтреснутый, пронзительный — от этого визга у Вэнь Жуня по коже побежали мурашки.

Магистрат Синь нахмурился. Что за наглость! Суд ещё не начался, а эта старуха уже кричит о своей невиновности, да ещё и так оглушительно и противно! Это уже переходило в разряд «выкриков в зале суда» — серьёзное нарушение порядка.

— Тишина! Прошу тишины! — Синь громко стукнул по столу деревянным молотком.

Звук был настолько неожиданным и громким, что Вэнь Жунь даже вздрогнул. Остальные тоже испугались и замолчали. Старая госпожа Линь, видимо, уже получила урок и больше не издавала ни звука.

— Подайте стул для цзюйжэня Вэнь! — распорядился магистрат Синь, указывая на место рядом с собой. — Поставьте вот здесь.

Вэнь Жунь поспешно отказался:

— Ваше Превосходительство, я предпочту стоять.

— Цзюйжэнь Вэнь, не стоит скромничать, — вздохнул уездный магистрат Синь. — Вас оскорбили и даже осмелились поднять на вас руку — вы вполне заслуживаете места в зале суда. Узнав об этом, я так разгневался, что чуть не заболел головной болью! Какие же негодяи! Осмелиться поднять руку на вас — это достойно смерти, смерти!

От гневного окрика магистрата все присутствующие задрожали ещё сильнее.

Вэнь Жуню ничего не оставалось, как занять предложенное место. Он с интересом наблюдал, как собравшиеся кланяются и приветствуют судью. Впервые в жизни он участвовал в древнем судебном разбирательстве — хотя, судя по всему, это дело будет не совсем обычным.

Люди поочерёдно начали кланяться, но магистрат Синь тут же велел всем встать и не стоять на коленях. В обычных делах так и поступали: достаточно было совершить поклон в знак уважения. Лишь в особо тяжких случаях, когда речь шла о злостных преступниках или особо скандальных делах, подсудимых заставляли стоять на коленях, чтобы подчеркнуть величие суда.

Пока дело не начало рассматриваться, все они формально считались законопослушными гражданами, поэтому после поклона им разрешили встать.

— Это дело рассматривается во втором зале, — сухо произнёс советник Лэн, — поскольку затрагивает женщин. Так мы избежим толпы зевак и лишних хлопот.

Вэнь Жунь кивнул в знак согласия. Лю Цуйхуа сделала изящный реверанс и сказала:

— Благодарю Ваше Превосходительство за заботу.

Именно ей проявили наибольшее внимание, и она первой выразила благодарность. Советник Лэн ничего не ответил — лишь слегка кивнул.

Сам же магистрат Синь невольно почувствовал симпатию к этой отвергнутой, брошенной женщине: по крайней мере, она вела себя с достоинством и соблюдала приличия. Совсем не то, что старая госпожа Линь!

Члены семьи Линь стояли в стороне и смотрели на Лю Цуйхуа почти как на чужую. Такой они её никогда не видели: и одежда, и причёска, и осанка, и даже манера речи — всё было совсем не похоже на ту Лю Цуйхуа, которую они знали.

Даже новая жена Линь Сань-эра — та самая вдова — с изумлением смотрела на неё.

<http://bllate.org/book/15642/1398125>